

Лоскутова Ирина Мироновна**Loskutova Irina Mironovna**

доктор социологических наук,
кандидат философских наук, доцент, профессор
кафедры теоретической и специальной социологии
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

D.Phil. in Social Science,
PhD, Professor,
Theoretical and Special Sociology Department,
Institute of Social Education and Humanities,
Moscow State University of Education

Синяев Максим Викторович**Sinyaev Maksim Viktorovich**

кандидат политических наук, доцент кафедры
теоретической и специальной социологии
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета

PhD in Political Science,
Associate Professor,
Theoretical and Special Sociology Department,
Institute of Social Education and Humanities,
Moscow State University of Education

СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ И НОВЫХ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА И РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РФ

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TRADITIONAL AND NEW SOCIAL AND POLITICAL RISKS DURING WELFARE STATE DEVELOPMENT AND EDUCATION SYSTEM REFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация:

Статья посвящена проблемам становления социального государства в современной России. Отмечается, что данный процесс связан с набором различных рисков. Некоторые из них носят традиционный характер: они возникли еще в рамках индустриального общества и связаны либо с ограниченностью ресурсов, либо с принципиальным нежеланием правящих групп тратить ресурсы на социальные проекты. Применительно к РФ эта ситуация осложняется традиционной ролью государства, склонного контролировать все социальные и экономические аспекты, что привело в свое время к замене страховой модели социального государства (люди делают страховые взносы, из которых потом формируется структура их социальных услуг и гарантий) распределительной моделью (государство само определяет, когда, кому и сколько выделить ресурсов в зависимости от текущей конъюнктуры). Характерным примером действующих рисков формирования социального государства является опыт реформирования системы образования в стране. Однако, кроме стандартных рисков, существуют новые риски, обусловленные трансформацией самой социальной реальности под влиянием технологического прогресса, порождающего такие феномены, как цифровое неравенство и распыление власти.

Ключевые слова:

риски, социальное государство, распыление власти, цифровое неравенство, множественность рисков, принципиальная нестабильность системы, система образования, образовательные риски.

Summary:

The study discusses the welfare state development in modern Russia. This process is determined by various risks. The traditional risks have appeared in the period of industrial society and are caused by either the resource constraints or the fundamental reluctance of the ruling groups to spend the resources on social projects. In the Russian Federation, this situation is complicated by the traditional role of the state which is ready to control all social and economic processes. It has led to change from the insurance model of the welfare state (social services and assurances are based on the insurance payments made by people) to the distribution model (the government distributes resources at its discretion depending on the current situation). Russian education system reforms are a typical example of current risks in the establishment of the welfare state. However, there are new risks arising from the social reality transformed by technological progress, which generates the digital inequality and power dispersion phenomena.

Keywords:

risks, welfare state, power dispersion, digital inequality, multiple risks, principled system instability, education system, educational risks.

На современном этапе развития социальное государство в РФ представляет собой скорее возможное будущее, чем актуальное настоящее. Такие традиционные параметры, позволяющие анализировать эффективность социального государства, как уровень бедности, влияние социальных программ на его снижение, доля расходов в ВВП, направляемых на финансирование со-

циальных программ, уровень детской смертности, продолжительность жизни, уровень безработицы, показывают, что стране необходим дальнейший прогресс в данном аспекте. В статье А. Симонова «Социальное государство: суть, критерии, индикаторы» выделяются следующие критерии социального государства [1].

1. Пропорциональность государственных расходов на силовые ведомства (армию и полицию) и социальную политику. Предполагается, что в социальном государстве издержки на социальную сферу как минимум должны хотя бы равняться суммам, выделяемым на силовые ведомства. В развитых странах Запаदा расходы на социальные нужды заметно больше.

2. Индекс Джини. Речь идет о соотношении доходов 10 % наиболее обеспеченных слоев населения и 10 % наименее обеспеченных. Этот параметр измеряется от нуля до единицы, чем он ближе к единице, тем сильнее проявляется социальное неравенство. Данные Росстата свидетельствуют, что в РФ этот показатель составил 0,412 в 2017 г., 0,414 – в 2016 г., максимальным было значение 2007 г. – 0,422.

3. Индекс человеческого развития, измеряемый с 2013 г. Данный параметр включает ряд показателей: доход (рассчитывается от ВВП на душу населения), образование (определяется по уровню грамотности и доле учащихся от общего числа молодежи от 6 до 23 лет) и ожидаемая продолжительность жизни (устанавливается с опорой на реально достигнутую продолжительность жизни). По этому индексу страны получают значения от 0 до 1. Государства с уровнем ИЧР ниже 0,5 считаются малоразвитыми, 0,5–0,8 – среднего уровня, выше 0,8 – высокоразвитыми. Россия входит в число стран со средним уровнем развития – 0,798 в 2016 г. – и находится на 50-м месте в списке, т. е. 49 стран обладают более высоким уровнем развития. Данное место обусловлено высоким уровнем образования, перешедшего по наследству от советской системы и сейчас претерпевающего ряд драматичных трансформаций.

Подобное положение дел связано с генезисом социального государства в РФ. В странах Западной Европы оно формировалось в ходе противостояния социальных субъектов, в первую очередь предпринимателей и наемных рабочих, что и предопределило ряд его существенных характеристик. В России социальное государство было фактически введено распоряжением высшей политической элиты, в силу чего большая часть его особенностей была определена сверху. Из этого вовсе не следует, что население не принимало никакого участия в процессе его становления, – проблема лежала в иной плоскости. Участие большинства граждан носило в значительной мере пассивный характер, когда в ходе неявного общественного договора шел обмен тех или иных социальных гарантий со стороны элиты на поддержку со стороны масс.

Отечественный вариант социального государства существует и развивается в сложных условиях, сталкиваясь со спектром традиционных и новых угроз. Проблематика социальных и политических рисков находится в фокусе внимания мировой социологической науки с конца 90-х гг. XX в. [2]. Хорошо изученные опасности связаны с рядом феноменов перехода от традиционного общества к индустриальному, когда в социуме разворачиваются асинхронные и разнонаправленные социальные процессы, или с особенностями функционирования рентной экономики, характерной не только для РФ, но и для государств, сделавших экспорт природных ресурсов основой своей экономической стратегии. Принципиально новые феномены проявляются в изменении социальной среды, приобретении ею качественно новых форм и свойств.

Следует отметить, что под социально-политическими рисками в рамках данной статьи мы понимаем реализацию определенных состояний социально-политической системы, способных либо привести к ее ослаблению и разрушению, либо нанести какой-либо ущерб воспринимающему субъекту.

Характерным примером действия традиционных и современных рисков в процессе формирования социального государства в РФ служит опыт реформирования системы образования. Являясь отраслью производства общественных благ, она испытывает на себе бремя перекосов распределяющей рентной российской экономики. Введение ЕГЭ в школе, уменьшение объема доступа абитуриентов к высшему образованию в связи с сокращением бюджетных мест и другие современные реалии не могут скрыть существующих проблем, связанных с экономией расходов государства на образовательную сферу.

При постоянном снижении качества образования средней и высшей ступеней возрастают социальное расслоение и неравенство доступа к образовательным благам. Выпускники школ с низким уровнем образования не имеют возможности поступить в вуз, особенно если живут не в центральных городах. Часть социальных рисков демпфируют семьи, беря на себя огромные расходы на дополнительное обучение детей, чтобы довести уровень их знаний до необходимого при сдаче ЕГЭ. Таким образом, увеличивается социальная напряженность, а риски приватизируются.

Говоря о качественно новых рисках социального государства, мы должны в первую очередь обратить внимание на следующий аспект. Прогресс человечества в значительной мере свя-

зан с появлением новых технологий и социальных институтов. Инновации расширяют возможности индивида в ходе его взаимодействия с окружающей средой. Современные социальные институты формируют перспективы в социальной среде, обеспечивая функционирование альтернативных форм взаимодействия людей.

При исследовании развития технологий и их влияния на социум аналитики особое внимание уделяют следующим феноменам информационного общества.

1. Сжатие пространства: благодаря развитию информационно-коммуникативных технологий пространственная отдаленность перестает влиять на экономические, социальные, культурные и прочие отношения.

2. Феномен «мягкого времени»: по той же причине часовые пояса становятся условностью, человек может жить в Москве, но работать по удаленному доступу в Аргентине, общаться с друзьями в Австралии и т. д.

3. Распыление власти за счет появления нового типа властных ресурсов, связанных с доступом к информационно-коммуникативным механизмам.

На третьем феномене хотелось бы остановиться подробнее, по нашему мнению, он в наибольшей мере влияет на трансформацию социального государства, приобретение им новых качеств и свойств. Так, развитие информационно-коммуникативных технологий приводит к тому, что факт создания интернет-сообществ, предъявляющих различные требования к власти, сам по себе становится властным ресурсом. Это автоматически обуславливает усложнение социально-политической системы, которая начинает действовать в условиях взрывного возрастания числа социально-политических акторов, что приводит к ряду сложностей.

1. Проблема цифрового неравенства. Очевидно, что чем группа лучше владеет цифровыми технологиями, тем успешнее она может отстаивать свои интересы [3]. Поэтому внутри социума складывается новое разделение на тех, кто способен обращаться с инновационными средствами и является активным участником социально-политических процессов, и тех, кто занимает позицию пассивного зрителя. Теоретически можно предположить, что со временем, по мере распространения навыков сетевого взаимодействия, значимость данной проблемы будет нивелирована, но гарантировать это невозможно. Вторая сложность носит намного более принципиальный характер и связана с изменением социальной реальности.

2. Проблема множественности рисков и фундаментальной нестабильности социально-политической системы. Риски нового социума начинают распыляться. Если в условиях индустриального общества существовала четкая иерархия социальных групп, обладающих определенным набором возможностей, и задача стабилизации социально-политической системы сводилась в основном к поддержанию общественного консенсуса (так называемого общества двух третей: общество сохраняет стабильность и управляемость, пока две трети его членов поддерживают существующий режим). Для сохранения данного баланса требовалось тщательно следить за текущими процессами, ослаблением или усилением тех или иных социальных групп, внимательно анализировать особенности восприятия социально-политической реальности разными группами, однако политический класс развитых западных стран успешно справлялся с этими задачами. Сегодня ситуация кардинально поменялась, развитие технологий дает в руки сравнительно небольшим группам или даже одиночкам информационные инструменты, позволяющие поставить под сомнение базовые условия общественных договоров (в частности, выложить какие-либо документы в Сеть, чем прославился создатель сайта WikiLeaks Дж. Ассанж), проанализировать официальную статистику или документацию, связанную с государственными расходами. Отдельно нужно отметить, что в основе деятельности новых акторов, направленной на трансформацию социальной реальности, может лежать не столько совокупность объективных проблем, сколько стремление к изменению системы, которая по тем или иным параметрам не соответствует морально-этическим нормам акторов. В этой ситуации риск не становится следствием сбоев в работе системы, а приобретает свойство имманентности. Он заложен в самой системе, является ее неотъемлемым аспектом и вытекает из факта множественности акторов, часть из которых может предъявлять к системе требования, носящие сугубо дискуссионный ценностный характер. В силу того что современные социумы начинают приобретать мультиэтнический и мультикультурный характер, различий в социальных ценностях не избежать. Таким образом, риск нельзя прогнозировать, поскольку в большинстве случаев неясно, какие причины могут вдохновить того или иного актора на выступление против системы. Однако устранить причины неприятия, как правило, невозможно даже при их определении.

3. Проблема повышенной чувствительности социально-политической системы к внешним и внутренним воздействиям. Граница между рисками, возникающими на микро- и макроуровне системы, приобретает подвижный условный характер. Разного рода риски свободно перетекают друг в друга, что принципиально затрудняет деятельность по мониторингу и управлению. Так,

классическая модель административного управления основывается на четком выделении сфер деятельности, когда одни чиновники отвечают за почту, другие – за медицину, третьи – за оборону, но в ситуации свободной трансформации рисков какое-либо управление при помощи традиционных административных структур представляется маловероятным.

Следует определить, насколько значимы эти процессы для России. Очевидно, традиционные риски для социального государства в РФ намного опаснее. Имеется в виду стандартный набор феноменов, связанных с экономическими ограничениями, вопросами справедливого распределения невозобновимых ресурсов, конфликтом ценностей, неэффективностью государственной власти и т. д. [4]. Необходимо отметить, что данные угрозы социальному государству в России не отличаются от западных, так как после победы в холодной войне Запад взял курс на минимизацию социального государства, которое, с точки зрения власти имущих, обуславливало избыточную трату экономических ресурсов с неконтролируемым итогом. В нашей стране происходили схожие процессы: с одной стороны, следовало оставаться в русле мировых тенденций, когда российская элита интенсивно пыталась встроиться в мировую, с другой – переход от статуса промышленно развитого государства к статусу энергетической сверхдержавы резко сузил объем наличных экономических ресурсов. В ходе экономического кризиса 1990-х гг. социальная политика власти и ее обязательства перед населением рассматривались как проявление предельной архаичности коллективистского сознания, которую, безусловно, нужно было скорее преодолеть.

Экономический подъем 2000-х гг., связанный в большей мере с повышением мировых цен на нефть и стабилизацией управленческой вертикали, привел к повышению уровня жизни граждан и возрождению государственной социальной политики в сколько-нибудь значительных масштабах. У этого явления было два очевидных недостатка: во-первых, экономический рост главным образом зависел от внешних факторов и фактически консервировал технологическую и инфраструктурную отсталость РФ; во-вторых, все решения, связанные с социальной политикой, принимало не население в диалоге с государством, а сегменты управленческой и политической элиты в диалоге друг с другом. В начале 2000-х гг. возобладала тенденция ликвидации страховых механизмов и замены их прямым государственным распределением дотаций. Так, в 2001 г. прекратил существование Государственный фонд занятости населения, цель деятельности которого состояла в обеспечении социального страхования в случае безработицы, затем произошли замена страховых отчислений в Пенсионный фонд РФ и введение единого социального налога [5]. Фактически этим платежам придали налоговый характер, что автоматически сняло вопрос об их дальнейшем использовании. Средства, вносимые в счет уплаты налога, утратили целевое предназначение: государство направляло их на разные цели в нужное ему время. Зачатки страховых механизмов становящегося социального государства в РФ были уничтожены, воспроизведена государственная советская модель, основанная на дотациях из бюджета, с той принципиальной оговоркой, что их размер несопоставим с советскими, а с контролем их расходования возникали вопросы.

Снижение мировых цен на нефть, военные действия в Сирии, а также санкции, введенные ведущими странами Запада против России в связи с событиями на Украине, обусловили то, что свободных средств стало не хватать. Государство начало направлять имеющиеся ресурсы на «спасение» приближенных к бюджету банков и нефтяных компаний, минимизируя социальные выплаты.

Эта модель характерна для социума, находящегося в переходном состоянии от традиционного к индустриальному. Социальные связи и отношения, свойственные данному этапу общественного развития, доминируют в России. Однако имеется ряд специфических рисков, связанных с особенностями экономической модели, сформировавшейся в РФ, базовым элементом которой является высокая доля природной ренты в экономике. Отечественный топливно-энергетический комплекс создает значительную часть экономического потенциала страны. В этой ситуации таится масса опасностей не только для становления социального государства, но и для самого существования России. В стоимости нефти и газа затраты труда невелики, в нефтегазовом комплексе задействованы сравнительно небольшие объемы рабочей силы. Таким образом, малая группа людей создает большую часть экономических ресурсов, что обуславливает перспективы концентрации их в руках правящей элиты, социального расслоения, минимизации социальной мобильности, развития авторитарных форм правления (чтобы население через демократические механизмы не могло отстаивать свои интересы), коррупции и т. д. Если экономические запасы контролирует правящая верхушка, то лояльность становится условием экономического процветания или просто физического выживания в зависимости от обстановки в стране.

В производящей экономике подобное невозможно: если людям не платить за их труд, они не будут работать. В таком случае при отсутствии внешнего источника доходов, в частности нефти, у общества не будет ресурсов для существования. В данной ситуации концентрации всех доходов в руках политической элиты не происходит. Весь национальный доход распределяется среди работников многочисленных предприятий, изготавливающих те или иные товары, нацио-

нальный доход определяется добавленной стоимостью труда. Деньги заплачены за работу, граждане не должны ждать, когда государство продаст нефть и поделится с ними частью доходов. Эффективность экономической деятельности здесь зависит от капиталовложений в оборудование и квалификацию рабочей силы, отсюда один шаг до социального государства. Продуктивность рентабельной экономики в большей мере зависит от хаотичной смены цен на сырьевых рынках. Данные особенности являются серьезной проблемой на пути становления социального государства в РФ и порождают массу социальных и экономических рисков.

Однако кроме традиционных для всей индустриальной фазы рисков, а также характерных именно для России, обусловленных сырьевой экономикой, можно говорить о принципиально новых опасностях формирующегося постиндустриального общества. Таким образом, мы подходим к проблеме гетерогенности современных социумов. Российская Федерация включает в себя регионы и социальные слои, существующие в разных исторических контекстах. Если ряд национальных республик пребывает в условиях феодализма, то на большей части территории наблюдаются различные формы ранне- и позднеиндустриального общества.

Тем не менее в крупных городах за последние 20 лет сформировалась сравнительно узкая, но активная прослойка, связанная с новой цифровой экономикой, для которой разные виды социальной сетевой активности – не отклонение от нормы, а единственно возможный эффективный путь отстаивания своих интересов. Очевидно, ее влияние будет возрастать. Кроме того, как и все социальные общности, эта группа будет выражать прежде всего собственные интересы, что формирует обширные рискогенные зоны в ходе ее контактов с властью и основной массой менее прогрессивного населения. Таким образом, в ближайшие 20 лет становление социального государства в РФ будет подвержено не только классическим социальным рискам, но и новым, обусловленным развитием информационно-коммуникативных технологий.

Ссылки:

1. Симоянов А. Социальное государство: суть, критерии, индикаторы // Логос : философско-литературный журнал. 2014. № 2. С. 215–234.
2. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / пер. с фр. И. Окуновой. М., 2002. 192 с. ; Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 107–133 ; Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt a. M., 1986.
3. Дедюлина М.А. Цифровое неравенство: философское осмысление [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2017. № 2. URL: <http://st-hum.ru/content/dedyulina-ma-cifrovoye-neravenstvo-filosofskoe-osmyslenie> (дата обращения: 22.01.2019) ; Мальсагова Б.К. Информационно-цифровое неравенство в современном российском обществе // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 4–5. С. 74–79.
4. Мурашов С.Б. Социальные риски российского государства в условиях влияния общемировых кризисных тенденций // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1 (239). С. 9–14.
5. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве : монография. М., 2016. 216 с.

References:

- Beck, U 1986, *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*, Frankfurt a. M.
- Dedyulina, MA 2017, 'Digital Inequality: Philosophical Comprehension', *Studia Humanitatis*, no. 2, viewed 22 January 2019, <<http://st-hum.ru/content/dedyulina-ma-cifrovoye-neravenstvo-filosofskoe-osmyslenie>>, (in Russian).
- Giddens, E 1994, 'Fate, Risk, and Safety', *Thesis*, vol. 5, pp. 107-133, (in Russian).
- Kochetkova, LN 2016, *Philosophical Discourse about the Social State: monograph*, Moscow, 216 p., (in Russian).
- Malsagova, BK 2016, 'Digital Information Inequality in Modern Russian Society', *Nauchnyye zapiski molodykh issledovateley*, no. 4-5, (in Russian).
- Murashov, SB 2016, 'Social Risks of the Russian State under the Influence of Global Crisis Trends', *Nauchno-tehnicheskiye vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, no. 1 (239), pp. 9-14, (in Russian).
- Simoyanov, A 2014, 'The Welfare State: Essence, Criteria, Indicators', *Logos: filosofsko-literaturnyy zhurnal*, no. 2, pp. 215-234, (in Russian).
- Virilio, P 2002, *Information Bomb. Cheating Strategy*, Moscow, 192 p., (in Russian).